

Научная статья | Original paper

Л.С. Выготский: перечитывая заново. Часть 2

Н.Н. Нечаев ✉

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
Москва, Российская Федерация
✉ nnechaev@gmail.com

Резюме

Статья является продолжением ранее опубликованной работы автора «Л.С. Выготский: перечитывая заново. Часть первая», посвященной анализу раннего периода научного творчества Л.С. Выготского, предшествовавшего тому периоду, в котором им были сформулированы направления разработки идей культурно-исторического подхода. В качестве ключевого момента подробно рассматриваются его доклад на II Психоневрологическом съезде в 1924 г. и ряд «примыкающих» к нему работ, включая и рукопись работы «Исторический смысл психологического кризиса».

В данной статье сделана попытка показать, что одной из причин перехода Л.С. Выготского к разработке культурно-исторической теории, «ростки» которой были уже фактически намечены Л.С. Выготским в его кандидатской диссертации, посвященной механизмам эстетической реакции, стало понимание Л.С. Выготским значимости методологического анализа соотношения категории «кажмости», представляющей так называемые «психические» явления (К. Штумпф), и категории «действительности», рассматриваемой Л.С. Выготским как «сущность» этих явлений.

Результаты анализа категории «идеальное», проведенного Э.В. Ильенковым, вводятся в контекст аналогичных идей, сформулированных в рамках деятельностного подхода А.Н. Леонтьева и теории поэтапного формирования П.Я. Гальперина.

Ключевые слова: объективное исследование, рефлексология, психологический эксперимент, психические явления, культурно-историческая психология, деятельностный подход

Для цитаты: Нечаев, Н.Н. (2026). Л.С. Выготский: перечитывая заново. Часть 2. *Культурно-историческая психология*, 22(1), 18–29. <https://doi.org/10.17759/chp.2026220103>

L.S. Vygotsky: reading anew. Part 2

N.N. Nechaev ✉

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
✉ nnechaev@gmail.com

Abstract

This article is a continuation of the author's previously published work "L.S. Vygotsky: Reading Anew. Part One," which analyzed the early period of L.S. Vygotsky's scholarly work preceding the formulation of his cultural-historical approach. The author examines in detail the pivotal moment of Vygotsky's report at the 2nd Psychoneurological Congress in 1924 and a number of related works, including the manuscript "The Historical Meaning of the Crisis in Psychology."

The article attempts to demonstrate that one of the reasons for Vygotsky's transition to developing cultural-historical theory—the seeds of which were already evident in his candidate dissertation on the mechanisms of aesthetic reaction—was his understanding of the importance of a methodological analysis of the relationship between the category of "appearance" (representing so-called "psychical" phenomena, following K. Stumpf) and the category of "reality," which Vygotsky considered as the "essence" of these phenomena. The results of the analysis of the category of "ideal" conducted by E.V. Ilyenkov are introduced into the context of similar ideas formulated within the framework of the activity approach of A.N. Leontiev and the theory of stage-by-stage formation of P.Ya. Galperin.

Keywords: objective research; reflexology; psychological experiment; psychic phenomena; cultural-historical psychology; activity approach

For citation: Nechaev, N.N. (2026). L.S. Vygotsky: reading anew. Part 2. *Cultural-Historical Psychology*, 22(1), 18–29. <https://doi.org/10.17759/chp.2026220103>

4

Напомним читателю эксперимент, описанием которого закончилась первая часть статьи [Нечаев, Н.Н. (2024), с. 23–24]. Испытуемым на экране предъявлялось изображение, состоящее из разных по форме и размеру черно-белых пятен, расположенных в хаотичном порядке. Экспериментатор в своей инструкции перед началом эксперимента утверждал, что перед ними на экране представлено изображение головы коровы, которого никто из испытуемых, впервые участвующих в этом эксперименте, этой «головой» не увидел. После этого экспериментатор начинал демонстрировать вполне реалистичные изображения голов различных коров, перемежая показ каждого такого реалистичного изображения показом исходного изображения. И как показывают результаты данного эксперимента, неоднократно проводившегося нами в разных аудиториях, постепенно среди зрителей появлялись те, которые отчетливо начинали «видеть» голову коровы на исходном изображении, причем их число увеличивалось с каждым новым предъявлением реалистичных изображений. Важно специально подчеркнуть, что для каждого из «увидевших» голову коровы возникший для них образ появлялся неожиданно как результат своеобразного визуального инсайта.

В конце такого эксперимента практически все его участники, кроме отдельных испытуемых, отчетливо «видели» заданное вначале изображение уже как вполне реалистичное изображение головы этого всем знакомого домашнего животного. Однако для некоторых участников эксперимента потребовалась дополнительная процедура — использование контура, посредством которого была обрисована «искомая» голова коровы, чтобы она и для этих участников выступила как «фигура на фоне», что также сопровождалось своеобразным инсайтом: испытуемые вдруг начинали «видеть» заданное в инструкции изображение. Причем этот возникший образ сохранялся для них даже после того, как «материализованный» нами контур головы удалялся из предъявляемого исходного изображения.

Этот описанный в предыдущей статье эксперимент с «неочевидным» вначале изображением головы коровы заставляет переосмыслить целый ряд положений, получивших значение неких аксиом в психологии восприятия, которые в действительности во многом остаются лишь гипотезами, лишенными своей доказательной базы. И они останутся таковыми до тех пор, пока мы не примем в качестве исходного положения, что наш «образ мира в целом»

(Леонтьев, 1983, т. 2, с. 251–261) и возникающие для каждого из нас образы действительности есть психологические результаты нашей деятельности в этой объективной действительности — деятельности, всегда так или иначе вооруженной определенными средствами, позволяющими выявлять содержание, необходимое для реализации наших намерений и планов. И успешность этой деятельности, как впервые в отечественной психологии сформулировал Л.С. Выготский в своей концепции «инструментальной психологии», определяется ее вооруженностью (Выготский, 1982–1984, т. 1, с. 103–108).

Отметим, что именно этот подход Л.С. Выготского, от которого он отошел в начале 30-х гг. прошлого века, «углубившись» в проблему развития значений, стал фундаментом разработки и основных идей деятельностного подхода А.Н. Леонтьева и концепции поэтапного формирования, разработанной моим Учителем П.Я. Гальпериным. «Психическая деятельность, — как отмечал П.Я. Гальперин, — это вам не чистый дух, который все может путем библейского «да будет», это такая же деятельность, как и всякая другая, ее эффективность зависит от ее вооружения. Так, если у вас есть орудие, вы работаете хорошо. Нет у вас орудий — вы плохо работаете» (Гальперин, 2023, с. 446).

Представляется, что описанный мной эксперимент убедительно демонстрирует, что просмотр изображений «реальных» коров, особенно при оснащении этого просмотра средствами, вооружающими испытуемого определенными смысловыми схемами, имеющими отношение к содержанию стимульного изображения, позволяет ему выявлять или, как любил подчеркивать А.Н. Леонтьев, «вычерпывать» значимое содержание и в том случае, где наличие изображения не является «очевидным» фактом. Каждый читающий эти строки может воспроизвести этот эксперимент, посмотрев в определенном порядке на представленные первой части статьи иллюстрации (Нечаев Н.Н., 2024, с. 23–24): сначала он должен рассмотреть ту иллюстрацию, которая находится на с. 23, затем — ту, которая находится на с. 24, после просмотра которой он, вернувшись на с. 23, почти со 100%-ной вероятностью (как показывают результаты проведенного автором эксперимента уже с читателями опубликованной статьи) увидит изображение, соответствующее первоначально поставленной задаче.

В этом контексте можно сослаться на аналогичный эксперимент, который в свое время А.Н. Леонтьев проводил со своим внуком (Леонтьев А.Н., 1975, с. 70), показывая тому так называемые «загадочные картинки», которые сейчас постоянно мелькают в

сети Интернет, типа «Теща Боринга», «Старик или ковбой», «Лошадь или лягушка», или «Найди зайца», «Найди туриста» и т. п. (6 самых необычных картин-иллюзий...»: <https://aif.ru/dosug/1846109>). Как отмечал А.Н. Леонтьев, «...испытуемому говорилось: «перед вами обычные загадочные картинки для детей: постарайтесь найти тот предмет, который скрыто изображен в каждой из них».<...> В этих условиях процесс вообще не мог идти по схеме сличения возникшего у испытуемого образа предмета с его изображением, содержащимся в элементах картинки. Тем не менее загадочные картинки испытуемыми разгадывались. Они «вычерпывали» изображение предмета из картинки, и у них *актуализировался образ этого знакомого им предмета* (выделено мной. — Н.Н.)» (Леонтьев, 1975, с. 70).

Мы не касаемся сейчас адекватности трактовки А.Н. Леонтьевым результатов его эксперимента с загадочными картинками. Но можно отметить, что эти результаты коррелируют с данными, полученными в свое время А.Р. Лурия в его экспериментах, проведенных с испытуемыми в Средней Азии в 1931–1932 гг. на материале восприятия незаконченных изображений геометрических фигур, использованных в экспериментах гештальтпсихологов. Однако в этих изображениях жители кишлаков «видели» не геометрические фигуры, а вполне реалистичные изображения предметов их домашнего обихода (Лурия, 1974).

Как отмечал А.Р. Лурия, один из ближайших сотрудников Л.С. Выготского: «Высшие формы сознательной деятельности человека всегда опираются на внешние средства (примером может служить узелок на платке, который мы завязываем, чтобы запомнить нужное содержание, сочетания букв, которые мы записываем для того, чтобы не забыть какую-нибудь мысль, таблица умножения, которой мы пользуемся для выполнения счетных операций, и т. п.). Эти исторически сформированные средства оказываются существенными факторами установления функциональной связи между отдельными участками мозга — с их помощью те участки мозга, которые раньше работали самостоятельно, становятся звеньями единой функциональной системы. Образно выражаясь, можно сказать, что исторически сформировавшиеся средства организации человеческого поведения завязывают новые «узлы» в его мозговой деятельности» (Лурия, 1974, с. 74).

По сути, А.Р. Лурия в своей нейропсихологической трактовке воспроизводит ключевую идею инструментального подхода, сформулированную Л.С. Выготским в этот период. Как вспоминал А.Н. Леонтьев, «У меня долгие годы хранилась схема, начерченная на листке бумаги Выготским по ходу объяснения своего замысла. Эта схема включала в себя кружки, не всегда законченные, — полукружности, в которых стояли важные слова: «человек», «орудие», «предмет труда», «продукт». Почему-то мне припоминается сейчас очень ясно «огонь», рядом, под «орудием» — «способ», «средство». Это обработка с помощью огня. Орудие не только выступало как физический

предмет. Орудийность, опосредствованность поведения орудием — вот первое положение, которое легло в основание дальнейшего развития направления исследований Выготского и его соратников и учеников. Иначе говоря, возникло то направление, которое короткое время именовалось «инструментальная психология», еще до термина «культурно-историческая» (Леонтьев, 1986, с. 109).

В аналогичном выступлении, состоявшемся ранее в рамках так называемой «домашней дискуссии» 1969 г. (Леонтьев, 1994, с. 247–258) А.Н. Леонтьев отмечает: «Известно, что сама идея опосредствованности высших психических функций возникла из анализа и по аналогии со строением опосредствованного труда. Орудие, трансформируемое в знак, сохраняет целенаправленность процесса. <...> Надо сказать, что в последующих работах [Л.С. Выготского. — Н.Н.] вот эта исходная мысль как-то несколько стиралась. Пафос перешел на проблему значения, на внутреннюю сторону знака, и понятно, надо было говорить о строении сознания.» (Леонтьев, 1994, с. 250).

Однако сам Л.С. Выготский в период разработки основных идей культурно-исторической теории, начавшийся в 1929 г. под влиянием его изучения работ П. Жане (Выготский, 1982–1984, т. 5, с. 197) в своих «Записных...» специально подчеркивает отличие своей точки зрения от нейропсихологической трактовки А.Р. Лурия: «Наши расхождения по вопросу о локализации: для нас в центре локализации стоят экстрацеребральные связи — ср. Jackson: при понимании — другой возбуждает у меня в мозгу связи — я его жертва; при понимании себя — один участок мозга связывается с другим через периферию. Опосредствование создает принципиально новые типы связи в нервной системе. Что невозможно для одного человека, возможно для двух. Регулировка через периферию [т. е. через реальную деятельность, которую здесь имеет в виду Л.С. Выготский. — Н.Н.] — частый принцип в организации нервной системы. ... Мы: в мозгу и его функциях в натуралистическом плане *нет и не может быть* соответствующих речи структур, они возникают сверху — из психологических структур (два мозга, взаимодействующие через историко-культурную среду (подчеркнуто мной. — Н.Н.). В слове — источник новых мозговых структур, а не все возможности операций со словом заложены в морфологической структуре мозга. Речь и сознание: сначала мы думали: речь и мышление, далее: через интеллектуализацию — речь к памяти, вниманию, восприятию. Т.е. мы распространяли речь на все сознание. Важнее: выводить ее из той перемены, которую она производит в сознании. Первое слово есть изменение сознания задолго до изменения мышления: *prise de conscience* [«добыча сознания» — термин, широко использовавшийся во французской психологии, начиная с 19-го века и означавший феномен «инсайта». — Н.Н.], ср. проблему первых впросов» (Выготский, 2017, с. 482).

Инсайт как осознание результатов «явления объекта субъекту» (П.Я. Гальперин) есть психологический

результат, возникающий для субъекта благодаря процессу его активной деятельности в объективной действительности, в ходе которой в системе нейрофизиологической регуляции его деятельности происходит «трансформация» содержания этого отражения в психологическую «картину поля» деятельности субъекта, определяющего дальнейшее преОБРАЗование этой картины. Как писал Л.С. Выготский в одной из своих последних работ, опубликованной уже в 1935 г., «...этот переход динамики действия в динамику мысли и наоборот обнаруживает, как показывает эксперимент, три основные фазы, которым соответствуют три основные проблемы аффективной динамики: 1) превращение динамики психологического поля, динамики ситуации в динамику мышления; 2) развитие и развертывание динамических процессов самой мысли, ее обратное превращение в динамику действия. Действие, преломленное через призму мысли, превращается уже в другое действие, осмысленное, осознанное и, следовательно, произвольное и свободное, т. е. стоящее в ином принципиальном отношении к ситуации, чем действие, непосредственно обусловленное ситуацией и не прошедшее через это прямое и обратное превращение динамики» (Выготский, 1982–1984, т. 5, с. 250).

В этой связи считаю целесообразным сопоставить представления Л.С. Выготского, развиваемые им в начальный период увлечения реактологией, с идеями И.М. Сеченова, одним из первых осознавшего значимость нейрофизиологических механизмов для превращения результатов деятельности субъекта в то «чувственное впечатление», которое открывает субъекту поле его возможного действия. Подчеркну: работы И.М. Сеченова молодой Л.С. Выготский внимательно изучал еще в гомельский период своего вхождения в психологию — достаточно упомянуть его статью «Сознание как проблема психологии поведения», опубликованную в 1925 г. в одном из сборников под редакцией К.Н. Корнилова (там же, т. 1, с. 78–98). В этой статье он, опираясь на понятие «заторможенные рефлексy», сформулированное в свое время И.М. Сеченовым, пытался раскрыть «психодинамику» сознания, реализуя тем самым свою трактовку реактологического подхода, существенно отличавшуюся от подхода К.Н. Корнилова, но в реализации которого он в то время, по своему собственному признанию, сделанному в 1931 г. в рамках так называемой «реактологической дискуссии», еще видел возможность объективного исследования психологии человека (Выготский, 2024, с. 137–139).

Вот что писал И.М. Сеченов в статье «Впечатление и действительность» еще в 1890 г.: «Руководствуясь такими соображениями, при пересмотре физиологических данных из области чувствования уже нетрудно было убедиться, что искать разгадки можно было только в сфере зрительных актов. Не говоря уже о том, что здесь связь между формами чувствования и устройством органа выяснена наиболее полно, только здесь развитое, оформившееся впечатление имеет резко выраженный объективный характер. Того, что происходит в глазу при видении,

мы не чувствуем, а видим непосредственно всё внешнее, стоящим вне нас. Такое вынесение впечатлений наружу — род материализации чувствования — можно сравнить с построением образа предмета плоским зеркалом, с тем лишь отличием, что физическое зеркало дает образы позади себя, тогда как зеркало сознания строит их перед собой» (Сеченов, 1908, т. 2, с. 229). Содержание этой статьи И.М. Сеченова заслуживает специального анализа и может стать предметом отдельной статьи. Здесь же отметим, что, по-видимому, увлеченный своей гипотезой о физиологических механизмах возникновения «чувственного впечатления», И.М. Сеченов оказался заложником точки зрения обывателя, смотрящего в зеркало и забывающего о законах оптики, установленных еще Декартом и гласящих, что «угол падения лучей света равен углу их отражения».

В действительности «возникновение» образа в виде своеобразного «Зазеркалья» является не свойством зеркала, а результатом психологического «удвоения» наших «чувственных впечатлений», в которых субъект использует возможности зеркальной поверхности отражать падающие на нее световые лучи для воссоздания «виртуального пространства», расширяющего его психологические возможности через отражение этих световых лучей в системе функциональных органов ЦНС, благодаря чему мы в ходе своей деятельности получаем закономерное «расширение» и даже «удвоение» содержания нашего «чувственного впечатления», нашего образа объективной действительности.

К сожалению, именно этой деятельностью природы нашего восприятия, определяющей психологические закономерности поЯВЛЕНИЯ образа действительности, не учитывал И.М. Сеченов, рассматривая возникающий для человека ее образ лишь как процесс и результат функционирования нейрофизиологических структур ЦНС. Поэтому вполне закономерно вытекающее из этой позиции следующее высказывание И.М. Сеченова: «Благодаря этому видимый образ, то есть чувственный знак от внешнего предмета, и вместе с тем конечный член причинного зрительного ряда, становится доступным наблюдению в такой же мере, в какой считается доступным любой материальный предмет» (Сеченов, 1908) т. 2, с. 229). К сожалению, и И.М. Сеченов, и сотни, если не тысячи исследователей нашего «субъективного» мира до сих пор не осознают, что мы «видим» не образ, а объективную действительность, но видим через фильтры наших сложившихся в ходе деятельности представлений о действительности.

Мы наблюдаем не «чувственный знак», а объективную действительность, выступающую перед нами, однако лишь через то содержание «поля действия», которое возникает в процессе нашей деятельности с теми или иными фрагментами объективной действительности. Их свойства — как характеристики объективной действительности, т. е., иначе говоря, как возможные ПРЕДМЕТЫ деятельности субъекта в объективной действительности — выступают для

самого субъекта только в качестве «предметов» его деятельности, тех способов действия с объектами, которые — благодаря его деятельности — «представлены» ему в содержании образа его поля деятельности и через этот образ (Леонтьев, 1983, с. 251–261). Справедливости ради отмечу, что на этой же странице сам И.М. Сеченов делает очень важную с теоретической точки зрения сноску: «В жизненной практике, — пишет он, — видимый образ предмета считается самим предметом, но это, конечно же, несправедливо» (Сеченов, 1908, т. 2, с. 229).

Конечно, сейчас некоторые исследователи начинают осознать, что каждый из нас видит не образ, а объективную действительность, представленную нам, однако через наш образ действительности. Подобный образ возникает как процесс и результат нашей деятельности в объективной действительности, т. е. через то выделяемое каждым из нас содержание действия, в ходе которого происходит преОБРАЗование и объекта, и средств, и результатов, и условий его деятельности в объективной действительности. И это дано нам (подчеркнем каждому из нас) только через «образ» и «в образе» его поля действия.

Из отечественных авторов, одним из первых четко различивших содержание образа, благодаря которому для субъекта психологически открывается «поле его действия», и объективную действительность, лишь представленную субъекту в этом «поле», но по определению не совпадающую с ней, как любая картина не совпадает с оригиналом, был П.Я. Гальперин. Ключевым условием смены традиционного взгляда на содержание образа ему послужило понятие «идеального», активно разрабатывавшееся в отечественной философии и психологии выдающимся философом и психологом Э.В. Ильенковым (Ильенков, 2009а, с. 6–62; Ильенков, 2009б, с. 92–105), с которым были дружны и А.Н. Леонтьев, и П.Я. Гальперин. При этом П.Я. Гальперин считал, что Э.В. Ильенков «сужает» содержание понятия «идеального», рассматривая эту важнейшую категорию лишь применительно к анализу специфики трудовой деятельности общественного индивида.

Вот что писал П.Я. Гальперин в своем знаменитом «Введении в психологию»: «Какое конкретное содержание имеется в виду, когда говорят об идеальном? Это прежде всего образ, образ какого-нибудь предмета, процесса или явления. Но именно образ объекта, а не самый объект, и в этом смысле другой, идеальный объект. Этот другой объект «идеален» в двух отношениях. Во-первых, его черты — сколько бы их ни было и в каком бы сложном сочетании они ни находились, — представлены в образе изолированно, отдельно от других свойств оригинала или его материального отражения, без которых в действительности не может существовать никакая «вещь». Во-вторых, эта изоляция черт образа от прочих черт действительно существующих вещей, его оригинала или его изображения, выступает как очищенность образа от всего несущественного. Образ открывается как предмет, представленный только в своих существенных

чертах; между прочим, отсюда связь понятий «идеальное» и «совершенное»» (Гальперин, 2023, с. 174).

Однако, как справедливо отмечал К. Маркс в 1-м тезисе о Фейербахе (Маркс, Энгельс, 1955–1987, т. 3, с. 1), главный недостаток всего предшествующего материализма состоит в сохранении «созерцательности», т. е. опоры на эмпирическую констатацию характеристик своего «чувственного впечатления». Это закономерно приводит к непониманию того, что понимал уже И.М. Сеченов: любой предмет, составляющий содержание наших представлений, есть лишь наше «чувственное впечатление», в котором представлено то содержание, которое соответствует, с одной стороны, определенным, актуальным для данного субъекта потребностям, но которое, с другой стороны, выступает как идеальное «представительство» тех характеристик этого фрагмента, которые потенциально могут и должны удовлетворить эти актуальные потребности.

В знаменитом «Введении» в «Критике политэкономии» (Маркс, Энгельс, 1955–1987, т. 46, ч. 1) К. Маркс в развернутой форме характеризует определяющую роль потребностного основания деятельности субъекта в конституировании ее содержания как «предметной» деятельности: «...Потребление создает потребность в новом производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, являющийся его предпосылкой. Потребление создает влечение к производству; оно создает также и тот предмет, который в качестве *цели* определяющим образом действует в процессе производства. И если ясно, что производство доставляет потреблению предмет в его внешней форме, то столь же ясно, что потребление полагает предмет производства *идеально, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель.* Оно создает предметы производства в их еще *субъективной* форме» (Маркс, Энгельс, 1955–1987, т. 46, ч. 1, с. 32.).

Значимое для психологии развитие этой мысли К. Маркса было осуществлено Э.В. Ильенковым в следующей форме: «ОБРАЗ — не «призрак», не «субъективное состояние», интроспективно фиксируемое мозгом в себе самом. Образ — это форма вещи, отпечатавшаяся в теле субъекта, в виде того «изгиба», который внес в траекторию движения тела субъекта ПРЕДМЕТ, «объект», — это представленность формы предмета в форме траектории движения субъекта, субъективно испытываемая им как «вынужденное» — «несвободное» — изменение в схеме рефлекторно-осуществляемого движения. У Прибрама — это «призрак» уже потому, что ОБРАЗ сразу же фиксируется как «состояние мозга», в то время как *это лишь способ кодирования «образа» на «языке мозга», а вовсе не сам образ* [выделено мной. — Н.Н.]. ОБРАЗ — в реальном теле реального субъекта, — там он и «локализуется», — сначала как событие «на границе» рецептора и предмета, — но предмет-посредник реально выступает как часть тела субъекта, а не как часть тела предмета, — палка в руках слепого, зонд в руке хирурга, — поскольку он

осуществляет схему действия субъекта и реально — в действии — находится «по эту сторону субъекта», а не «по ту») (Ильенков, 2009, с. 101–102). Ранее в своей работе «Диалектика идеального», написанной в середине 70-х гг. прошлого века — работе программной для понимания взглядов Э.В. Ильенкова на сущность и природу категории «идеального», которая, благодаря А.Д. Майданскому (Майданский, 2009, с. 175–183), впервые без купюр и «внешнего» редактирования, искажающего мысль Э.В. Ильенкова, была опубликована в 2009 г. в журнале Логос (Ильенков, 2009а, с. 6–62), Э.В. Ильенков писал: «Под «идеальностью», или «идеальным», материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное и строго фиксируемое **СООТНОШЕНИЕ** между двумя (по крайней мере) материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого **один материальный объект**, оставаясь самим собой, выступает в роли **представителя другого объекта** [все выделения сделаны мной. — Н.Н.], а еще точнее — всеобщей природы этого другого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта, остающейся инвариантной во всех его изменениях, во всех его эмпирически-очевидных вариациях» (Ильенков, 2009а, с. 13).

С этой точки зрения должно стать очевидным, что именно трансформация нейрофизиологических структур регуляции в форме возникновения так называемых «условных связей» (И.П. Павлов), закономерно происходящая в процессе деятельности субъекта с тем или иным фрагментом объективной действительности, становится материальной основой бытия «идеального», тем «представителем» объективной природы этого фрагмента объективной действительности, которая была или стала значимой для деятельности субъекта и которая — благодаря этому «представительству» — начинает «присутствовать» для субъекта даже при отсутствии этого фрагмента.

В свое время Ф.В. Бассин, оценивая значение идей Н.А. Бернштейна для развития нейрофизиологии, писал: «Когда мы говорим, следовательно, что реакция определяется «моделью будущего», это выражение менее всего означает, что движущие факторы развертывающейся физиологической реакции локализованы в будущем. Оно означает только то, что формирование реакции [в действительности — действия субъекта. — Н.Н.] происходит на основе опыта, который, будучи накоплен ранее, позволяет [субъекту. — Н.Н.] активно вмешиваться в это формирование с учетом вероятностных [возможных. — Н.Н.] отношений. Наиболее характерным для «модели будущего» является то, что в ней своеобразно «дано то, чего нет», *то есть представлено — как цель, образ, символ или код — нечто еще в объективной действительности не реализовавшееся* [выделено мной. — Н.Н.]» (Бассин, 1967, с. 73).

Мне представляется, что именно об этом «механизме» возникновения «идеального» еще в 1947 г. писал А.Н. Леонтьев в своем знаменитом «Очерке развития психики», частично опубликованном

в «Проблемах развития психики» (Леонтьев, 1965, с. 209–337). Позволю себе привести ряд выдержек из этого текста А.Н. Леонтьева, которые, однако, остались практически невостребованными исследователями при разработке проблемы «идеального». Вот что писал А.Н. Леонтьев: «На известной ступени развития жизни материального субъекта необходимо возникают и такие специфические явления, которые отражают свойства объективной действительности в их связях и отношениях, т. е. *отражают действительность в ее предметности* (здесь и далее выделено мной. — Н.Н.). Это — психическая форма отражения. Взятое в системе связей и отношений материи самого субъекта, *психическое отражение есть лишь особое состояние этой материи, функция его мозга*. Взятое в системе связей и отношений субъекта с окружающим его миром, психическое отражение есть образ этого мира. *Таким образом, существует реальный процесс, в котором отражаемое порождает отражение, идеальное* (по буквальному выражению Маркса, оно «переводится» в идеальное). <...> Этот процесс и есть материальный процесс жизни субъекта, выражающийся в процессах его деятельности, связывающих его с объективным миром. ...Он позволяет преодолеть *представление о психике, как об особой сущности, имеющей свое особое существование*, благодаря чему она якобы может входить в состав материальных процессов, взаимодействовать с ними, вмещать в себя нечто и т. п. Это необходимо специально подчеркнуть и оговорить потому, что самый способ выражения психологических понятий и отношений, ставший привычным для нашего уха, несет на себе печать этого понимания. Так, например, мы обычно говорим, что нечто «происходит в нашем сознании» и т. д., но это, конечно, только неизбежная дань языковой традиции» (Леонтьев, 1965, с. 335–337). Именно этот подход к пониманию «психики» — как один из возможных, но, к сожалению, оставленных Л.С. Выготским на периферии своих методологических размышлений о предмете психологии без его дальнейшего развития, опробовал Л.С. Выготский, находясь в больнице «Захарьино» в первой половине 1926 г. «Вот откуда «невесомость» психики, закон сохранения энергии, даже психофизический параллелизм, — отмечает Л.С. Выготский, — психика не затрачивает энергии, потому что она не физические процессы, а общая квалификация нервных процессов, *она не вещь и не процесс, а отношение процессов*; искать у нее затраты энергии все равно, что искать числа колебаний мелодии помимо звуков, или давления архитектурного плана на фундамент здания: давят материалы, а закон их давления определен планом» (Выготский, 2017, с. 113). Как отмечает Е.Ю. Завершнева, комментируя этот фрагмент «Записных...» Л.С. Выготского, «...перед нами задача, которая представляет собой ни много ни мало философскую революцию, и к тому же революцию не просто в терминологии, но и в языке. Ясно, что любая новая мысль, пробиваясь через «решетки языка» (П. Целан), не сразу приобретает также и новое выра-

жение и должна пройти долгий этап критики и самокритики» (Завершнева, 2009, с. 139).

Именно поэтому образ — как наше «чувственное впечатление» — как результат взаимодействия субъекта с тем или иным фрагментом объективной действительности должен рассматриваться лишь в контексте нашей практической деятельности, преОБРАЗующей этот фрагмент, который, благодаря этой деятельности, может выступать или как ее цель, или как ее результат, или как условие достижения этой цели, или, наконец, как способ получения соответствующего результата, т. е. продукта деятельности, направленной на удовлетворение соответствующей потребности. В абстракции от этих базисных категорий психологии, таких как мотив, цель, условия и способ деятельности субъекта или ее результаты, содержание образа становится «картиной» для созерцания, а не важнейшим психологическим условием необходимой трансформации этой «картины» субъектом для достижения необходимого практического результата. А это, в свою очередь, закономерно становится основным психологическим препятствием, как для развития деятельности, так и для адекватного научного понимания объективной действительности.

Многим известна древняя притча о слепых мудрецах и слоне. Желая познать, что такое слон, они попытались сделать это с помощью осязания. Один ухватился за ногу слона, другой — за бивень, третий — за ухо и т. п. Закономерно, что действие каждого из участников, оставаясь в пределах этого эмпирического «исследования» породило свой результат, ту *«объективную мыслительную форму»* (Маркс Энгельс, 1955–1987, т. 23, с. 86) которая, возникнув в их сознании в виде «предмета», конечно, с одной стороны, определялась объективными характеристиками объекта их исследования, т. е. объективными свойствами, принадлежащими фрагменту объективной действительности, ставшему объектом исследования, а с другой — характером и содержанием воздействия этих «исследователей» на этот объект, которым в притче выступил для них слон и с которым каждый из них «сущность» слона явилась в виде знакомого «предмета», соответствовавшего результатам ранее осуществленных актов осязания различных фрагментов объективной действительности, которые для каждого из мудрецов уже стали теми «предметами», в образе которых объективная действительность когда-то являлась каждому из них и которые уже стали психологическим достоянием их жизненного опыта: первому, ухватившемуся за ногу слона, этот фрагмент предстал как «колонна», второму, схватившему за бивень, слон предстал в виде «копья», третьему, ощупывавшему хобот, — в виде «змеи» и т. д.

Проблема, возникающая в «исследовательской» деятельности мудрецов, состояла в том, что в рассмотренной ситуации «опредмечивание» различных «фрагментов» слона для каждого из них происходило через уже «знакомый» образ тех частных характеристик объективного мира, которые они когда-то, опираясь на

результаты собственного предыдущего опыта, сумели выявить посредством осязания. И, следовательно, для каждого из них объективная действительность, выступающая для «зрячих», уже имевших соответствующий опыт в виде «слона», для «слепых» ученых также выступила в «знакомом» для каждого из них отдельном элементе уже «знаемого»; т. е. речь идет об их «осязательном» мире, а не том объективном мире, с которым они де-факто имели дело и с фрагментом которого имеют дело «зрячие» ученые, потенциально имеющие психологические возможности составить более богатую картину окружающей действительности. Но ведь и «зрячие» исследователи, как и слепые мудрецы из притчи, часто оказываются в подобных ситуациях, если ограничиваются эмпирическим опытом анализа содержания своих «чувственных впечатлений» и принимают за сущность лишь результаты эмпирического описания собственного «чувственного впечатления», возникшего в их деятельности в процессе и в результате реальных лишь чувственно-опосредствованных контактов с объектами своего исследования, не могущих по определению раскрывать сущности исследуемого явления.

В притче о слепых мудрецах и слоне легко уловить тот «фетишизм», о котором в свое время писал К. Маркс (Маркс, Энгельс, 1955–1987, т. 23, с. 80–93), когда «предмет» (т. е. представление некоторых черт (свойств, характеристик) объекта исследования через способ их выявления и/или использования) отождествляется с самим фрагментом объективной действительности и рассматривается как некая объективно существующая «вещь», а тем самым происходит незаконное «овеществление», «субстантивация» процесса.

Поэтому для обыденного, «эмпирического» в своей основе сознания субъектов, фактически описанного в этой древней притче, такая процедура даже в условиях «коллективного» исследования «заканчивалась» в форме «субстантивации», «опредмечивания» каждым из них частных результатов подобного исследования, т. е. в виде отдельных, не связанных между собой «вещей», лишь находящихся друг подле друга, т. е. в виде тех знакомых «предметов», в форме которых им ранее в их эмпирическом сознании «являлась» объективная действительность и которые они уже хорошо «представляли». Отсюда закономерна та бесплодная в своей основе дискуссия о том, что такое «слон», которая развернулась между мудрецами.

Полагаю, что мораль этой притчи, история которой насчитывает несколько тысячелетий, соотносима не только с ситуацией открытого психологического кризиса, сложившейся во времена Л.С. Выготского, но и с тем состоянием психологии, которое характерно для нее и в настоящее время. Поэтому вполне уместно в этой связи завершить эту часть статьи словами Л.С. Выготского, отмечавшего в «Историческом смысле психологического кризиса»: «Стоит только перечислить малую долю из тех определений, которые сейчас применяются к психологии, чтобы увидеть: в основе этих разделений нет логического единства; иной раз эпитет означает школу бихевио-

ризма, иной раз — гештальтпсихологию, иной раз — метод экспериментальной психологии, психоанализ; иной раз — принцип построения (эйдетическая, аналитическая, описательная, эмпирическая); иной раз — предмет науки (функциональная, структурная, актуальная, интенциональная), иной раз — область исследования (Individual psychologia); иной раз — мировоззрение (персонализм, марксизм, спиритуализм, материализм); иной раз — многое (субъективная — объективная, конструктивная — реконструктивная, физиологическая, биологическая, ассоциативная, диалектическая и еще, и еще). Говорят еще об исторической и понимающей, объяснительной и интуитивной, научной (Блонский) и «научной» (в смысле естественнонаучной у идеалистов)» (Выготский, 1982–1984, т. 1, с. 431).

5

В своих «Записных книжках» (Выготский, 2017) Л.С. Выготский неоднократно возвращался к оценке состояния современной ему психологии, которую за четверть века до него еще в XIX веке сформулировал В. Джемс. «Эта психология, — писал В. Джемс, — представляет еще груды сырых фактов; мелкие сплетни и споры о мнениях; незначительную классификацию, не выходящую за описательный уровень; крупный предрассудок, что мы обладаем состояниями души и что наш мозг является их условием... И ни одного закона в том смысле, в каком нам дает свои законы физика, ни одного положения, из которого могло бы быть выведено дедуктивно какое-нибудь следствие как из причины. <...> Это — не наука, это — только надежда на науку» (Джемс, 1902, с. 370).

Читая эти строки в контексте тех личных записей, которые в 20-е гг. прошлого века делал для себя Л.С. Выготский в своих «Записных книжках», можно понять, почему он всегда стремился определить методологические основания своей научной деятельности в психологии, позволяющие преодолеть эмпиризм различных версий психологии сознания. Но насколько это было трудно, свидетельствует его сноски на исследования, проводимые в рамках так называемого классического бихевиоризма, зарождавшегося в США, которую он сделал в одной из программных для этого этапа его научного творчества статье «Сознание как проблема психологии поведения», о которой мы писали выше (Выготский, 1982–1984, т. 1, с. 78–98), в которой он продолжал развивать идеи своего знаменитого январского доклада 1924 г. на II Психоневрологическом съезде, опубликованного лишь в 1926 г. в сб. научных статей Института экспериментальной психологии под редакцией К.Н. Корнилова (там же, т. 1, с. 43–62).

Приведу эту сноску полностью: «Настоящая статья была уже в корректуре, — пишет Л.С. Выготский, — когда я ознакомился с некоторыми работами по этому вопросу, принадлежащими психологам-бихевиористам. Проблема сознания ставится и решает-

ся этими авторами близко к развитым здесь мыслям, как проблема отношения между реакциями (ср. «вербализованное поведение»)» (там же, т. 1, с. 98).

Поэтому и в наши дни стоит согласиться с мнением Л.С. Выготского, что психология «...находится сейчас в таком состоянии, что она еще очень далека от заключительной формулы геометрической теоремы, венчающей последний аргумент, — что и требовалось доказать. Нам сейчас еще важно наметить, что же именно требуется доказать, а потом браться за доказательство; сперва составить задачу, а потом решать ее» (там же, т. 1, с. 98).

Причина этого положения не только в той методологической «неряшливости», которую продемонстрировали многие научные направления, возникшие в период «открытого психологического кризиса», и которая остается родимым пятном психологии до настоящего времени, а иногда выступает в форме сознательного игнорирования самой методологической необходимости четкого определения предмета психологического исследования. Предмет исследования как гипотетически существующее ПРЕДположение систематически смешивается с теми или иными характеристиками эмпирически данного каждому из нас «чувственного впечатления» (И.М. Сеченов), как «явления объективной действительности субъекту» (П.Я. Гальперин), которые заинтересовали исследователя, но характеристики которых выступают на первый план лишь как те или иные его эмпирические признаки и могут, в лучшем случае, стать основанием для той или иной столь же эмпирической их классификации, но в принципе не могут раскрывать сущность той объективной действительности, которая в гипотезе выступает как предмет исследования, скрытый за изучаемыми нами явлениями, но должен стать новым «предметом» нашего сознания.

Фактически в притче «О слоне и шести мудрецах» смоделирована та ситуация, в которой очень часто оказываются и вполне серьезные исследователи, приступающие к изучению, казалось бы, одного и того же фрагмента объективной действительности, но забывающие фундаментальный факт, установленный еще И.М. Сеченовым (Сеченов, 1908, т. 2): любой фрагмент объективной действительности является нам в виде «чувственного впечатления» — «образа мира» (Леонтьев, 1983, т. 2, с. 251–261), «явления объекта субъекту» (Гальперин, 2023, с. 175). И в его содержании — как в своеобразном зеркале — каждому из нас представлен лишь прошлый опыт нашей собственной деятельности со всеми теми ограничениями, которые возникали в процессе этой деятельности, причем многие из таких ограничений порождаются как нашими представлениями, содержание которых кажется нам вполне соответствующим действительности, так и возможностями используемого нами исследовательского инструментария.

В истории самой психологии можно найти десятки примеров, когда одни и те же результаты психологических экспериментов, практически совпадающих по своим методическим процедурам, но проведенных

исследователями, придерживающимися разных теоретических позиций, терминологически фиксировались в различных понятиях: попробуйте различить, что имеется в виду, когда говорят об «осмысленном восприятии» или его «категоризации», «бессознательном умозаключении», «визуальном мышлении» или «репродуктивном воображении». Возникающие при этом дискуссии, как правило, с научной точки зрения бесплодны, так как при отсутствии новых подходов к предмету исследования они закономерно вырождаются в споры о словах.

В этой связи вспоминается случай, который в своем дневнике когда-то описал наш знаменитый путешественник Н.Н. Миклухо-Маклай. По прибытии в 1872 г. на Папуа — Новую Гвинею и впервые вступив в контакт с аборигенами, он отмечает: «Что их особенно поразило и вместе с тем заинтересовало — это два небольших бычка, взятых в качестве живой провизии для команды: туземцы не могли взглянуть на них и просили подарить им одного. Узнав у меня название животных, они старались не забыть его, повторяя: “бик”, “бик”, “бик”.... На палубе одному из туземцев захотелось вновь посмотреть быков. Он обратился ко мне, но, забыв название “бик”, стал спрашивать о “большой свинье”. Не поняв его, я отвечал, что никакой свиньи на корвете нет; тогда, чтобы более точно назвать животное, он прибавил, что хочет видеть “большую русскую свинью с зубами на голове”» (Миклухо-Маклай, 1947).

Этот пример наглядно иллюстрирует фундаментальный психологический факт: прошлый опыт, «осевший» в нейронной сети в виде функциональных органов, закономерно возникающих при взаимодействии субъекта с теми или иными фрагментами объективной действительности, позволяет каждому из нас «видеть» новые фрагменты объективной действительности только через «фильтры» этих ранее возникших и постоянно возникающих функциональных органов, которые в системе нейрофизиологической регуляции деятельности субъекта обеспечивают адекватность его поведения в относительно стабильных условиях.

Весьма интересное замечание я нашел у Л.С. Выготского в его работе «Исторический смысл психологического кризиса», имеющее, на мой взгляд, не только определенное отношение к содержанию наблюдения, описанного Н.Н. Миклухо-Маклаем, но и в определенной мере раскрывающее сложившиеся к этому периоду представления Л.С. Выготского о механизмах обобщения и психологической роли знакового опосредствования как качественно иного уровня развития познавательной деятельности. «Сказав, встретив то, что мы называем коровой: «Это — корова», — мы к акту восприятия, — пишет Л.С. Выготский, — присоединяем акт мышления, подведения данного восприятия под общее понятие; ребенок, называя впервые вещи, совершает подлинные открытия» (Выготский, 1982–1984, т. 1, с. 313–314). И Л.С. Выготский развивает свою мысль: «Я не вижу, что это есть корова, да этого и нельзя видеть (вы-

делено мной. — Н.Н.). Я вижу нечто большое, черное, движущееся, мычащее и т. д., а понимаю, что это есть корова, и этот акт есть акт классификации, отнесения единичного явления к классу сходных явлений, систематизация опыта и т. д. Так, в самом языке заложены основы и возможности научного познания факта» (Выготский, 1982–1984, т. 1, с. 314). Цитируемые строки относятся к начальному периоду работы Л.С. Выготского над рукописью «Исторического смысла психологического кризиса», но уже в этой мысли можно зафиксировать его отказ от идей так называемой «аналитической интроспекции», концепцию и методы которой разрабатывал Э. Титченер, называвший подобное умозаключение, которое делает Л.С. Выготский, «ошибкой стимула», так как, по мнению Э. Титченера, испытуемый должен описывать предъявляемый ему стимул в форме неких «беспредметных» сенсорных качеств.

Отметим, что позднее сам Титченер признавал научную ущербность такого подхода к психологии. Вот что в связи с этим писал Л.С. Выготский: «Любопытнейший пример этому мы находим у Э. Титченера. Этот последовательный интроспективист и параллелист приходит к выводу, что душевные явления можно только описывать, но не объяснять». (Выготский Л.С. (там же, т. 1, с. 413). И далее Л.С. Выготский цитирует Титченера: «Но, если бы мы попытались ограничиться чисто описательной психологией, ... мы убедились бы, что в таком случае нет никакой надежды на действительную науку о душе. Описательная психология относилась бы к научной психологии точно так же, как относится мировоззрение, которое создает себе мальчик в своей детской лаборатории, к мировоззрению опытного естествоиспытателя» (там же, т. 1, с. 413).

Однако сам Л.С. Выготский в этот период еще не осознавал, что любой образ как «явление объекта субъекту» (П.Я. Гальперин) конституируется способом действия, возникшим в системе деятельности субъекта и существующим в системе нейрофизиологической регуляции уже в виде функционального органа — «оперативной схемы действия» (Гальперин, 2023, с. 539–554). Поэтому эти схемы существуют не «в языке», а в структуре нейрофизиологической регуляции нашей деятельности, практически изменяющей картину ее условий, что, в свою очередь, позволяет иначе использовать «звуковую материю» языка для осознания значимого для субъекта содержания, возникающего в системе совместной деятельности.

Осознание этой, порой весьма противоречивой, взаимосвязи практического действия и коммуникации уже в конце 1932 г. привело Л.С. Выготского к необходимости пересмотра разрабатывавшейся им и его ближайшими сотрудниками концепции «высших психических функций»: «Высшие и низшие функции не строятся в два этажа: их число и названия не совпадают, — отмечает Л.С. Выготский в «Записных книжках» в конце 1932 г. (Выготский, 2017, с. 323). «Но и не наше прежнее понимание (выделено мной. — Н.Н.): высшая функция есть овладение низшей (про-

извольное внимание есть подчинение себе произвольного внимания), ибо это и значит — в два этажа» (там же). И далее он констатирует: «Самое важное, чему нет примера в мире органического: а) изменение межфункциональных связей, т. е. изменение <нрзб> организма и его материального органа в процессе функционального развития: организм и орган определяются (подчинены) функциями. (Сознание и есть такая чистая деятельность, которая стоит в особом отношении к организму и органу); б) одна и та же функция выполняется различными процессами, ergo [следовательно. — Н.Н.] функции не закреплены за деятельностями, [они] есть поливалентные, полифункциональные, чистые, свободные, служебно незакрепленные деятельности сознания. Ergo: функция больше не функция! Деятельность sui generis [нечто рождающее себя. — Н.Н.]» (там же).

Эти мысли Л.С. Выготского о «поливалентности» функций и понимании сознания как «чистой деятельности» (там же), фиксируют поворотный пункт в развитии его психологической мысли. Он знаменует собой решительный отказ от представления о психике как о наборе статичных, раз и навсегда данных способностей, возможности которых — как функций — лишь «проявляются» при встрече со стимулами. Вместо этого на первый план выходит идея порождения «психического» *здесь и сейчас*, в ткани самой деятельности.

Но если мы вслед за Л.С. Выготским и П.Я. Гальпериным признаем, что «психическое» — это не «чистый дух» и не пассивный слепок реальности, а особая форма деятельности, вооруженная средствами и ориентированная на преОБРАЗование поля действия, то мы неизбежно сталкиваемся с вопросом, который традиционная, эмпирически ориентированная психология предпочитала обходить стороной: **как возможно познание самой этой объективной реальности нашей психологической жизни, если она всегда дана нам лишь в форме «образа поля действия», опосредованного нашим СУБЪЕКТИВНЫМ опытом?**

Притча о слепых мудрецах и слоне, к которой мы обратились выше, моделирует эту проблему с почти хирургической точностью. Каждый из мудрецов, будучи ограниченным в средствах исследования (только осязание) и опираясь на свой прошлый, эмпирически сложившийся опыт, принимает вновь возникший образ (явление) за нечто объективное (сущность). Тем самым он, «субстантивируя» свое «чувственное впечатление» как результат своего действия, «наделяет» характеристику (свойство) фрагмента объективной действительности статусом самостоятельного «предмета» — колонны, копыта или змеи, и т. п.

В этой притче — как в кривом зеркале — суть методологического кризиса, о котором писал Л.С. Выготский в «Историческом смысле психологического кризиса»: наличие множества «школ» и «точек зрения» часто является не свидетельством богатства науки, а симптомом того, что исследователи, подобно мудрецам, имея дело с СУБЪЕКТИВНО разными явлениями

одного и того же фрагмента объективной действительности, принимают их за разные сущности.

Но что значит «взять» действительность как практику? Это значит преодолеть ту самую «субстантивацию» явления, о которой мы говорили выше. Это значит не просто искать сущность, скрытую за явлением, используя те или иные средства ее «обнаружения», а начать осознанно создавать необходимые условия для ее ПОЯВЛЕНИЯ, рассматривать саму сущность как то, что должно *воспроизводиться* в самом процессе практической деятельности как процессе создания нового ее явления. Именно этот, казалось бы, «очевидный» ход мысли, позволивший преодолеть ограниченность и эмпиризма метода «срезов», и метафизики поиска «чистых сущностей», был реализован в отечественной психологии П.Я. Гальпериным, предложившим метод поэтапного формирования как метод воссоздания явлений, по сути, продолжив идею Л.С. Выготского, которую тот высказал в своих первых публикациях 1925–1926 гг.

Сущность гальперинского подхода заключается в том, что он впервые в истории психологии осознал, что понимание закономерностей, конституирующих психологию как объективную науку, возможно лишь на основе **планомерного** воспроизводства традиционно изучаемых ею явлений, т.е. тех явлений, задача изучения которых — как состояний сознания — как отмечал И.П. Павлов, «... мне представляется безнадежной, со строго научной точки зрения... Конечно, эти состояния есть для нас первостепенная действительность, они направляют нашу ежедневную жизнь, они обуславливают прогресс человеческого общежития. Но одно дело — жить по субъективным состояниям и другое — истинно научно анализировать их механизм. Чем больше мы работаем в области условных рефлексов, тем более проникаемся убеждением, как глубоко и радикально разложение субъективного мира на элементы и их группировка психологом отличаются от анализа и классификации нервных явлений пространственно-мыслящим физиологом» [Павлов, И.П. (1925), с. 227].

Именно П.Я. Гальперин предложил не описывать возникшее «готовое» явление (будь то образ, понятие, состояние или процесс), а планомерно **воссоздавать** его, подбирая необходимые для этого условия. Подчеркнем, метод поэтапного формирования умственных действий — это не просто комплекс экспериментальных приемов, «доказавший, — как отмечал А.А. Леонтьев, — свою практическую эффективность в ряде прикладных областей, однако вряд ли подходящий для выполнения роли общепсихологической теории» [Леонтьев А.Н., (1994), с.285], а подлинно научный метод, позволяющий раскрывать сущность того или иного «психического явления» лишь одним способом — воссоздавать его, выступая, тем самым, не внешним регистратором его наличия или отсутствия, а организатором самого процесса его возникновения.

Каким же образом **должна быть построена наука, для которой практическое преобразование образа действительности является не**

приложением к теории, а главным способом познания его сущности? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости переосмысления классического сциентистского идеала науки как формы изучения сущности явлений, что требует перехода к иной, деятельностной парадигме самой психологии, представленной П.Я. Гальпериным в теории поэтапного формирования умственных действий и понятий (Гальперин, 2023).

И как бы парадоксально ни прозвучала эта мысль, в своем развитии она закономерно раскрывает свою диалектическую сущность, что наглядно представ-

лено в работах Л.С. Выготского: вначале как бескомпромиссная критика так называемой «второй психологии», место которой на «свалке истории» (Выготский, 1982–1984, т. 1, с. 423–436; Выготский, 1928, с. 25–46), а затем — уже в конце жизни — как формулировка основной задачи психологии — науки о психической жизни (Выготский, 2017, с. 427–428).

Рассмотрению эволюции этих взглядов Л.С. Выготского и их значения, как для развития психологической практики, так и для формирования самих основ практической психологии, будет посвящена третья часть настоящей статьи.

Список источников / References

1. Бассин, Ф.В. (1967) О подлинном значении нейрофизиологических концепций Н.А. Бернштейна. *Вопросы философии*, 11, 69–79.
Bassin, F.V. (1967) On the true meaning of the neurophysiological concepts of N.A. Bernstein. *Questions of Philosophy*, 11, 69–79. (In Russ.).
2. Выготский, Л.С. (1928). Психологическая наука. В: В.П. Волгина, Г.О. Гордона, И.К. Луппола (Ред.), *Общественные науки в СССР* (с. 25–46) М. Работник просвещения.
Vygotsky, L.S. (1928), Psychological Science. In: V.P. Volgin, G.O. Gordon, I.K. Luppola (Eds.), *Social Sciences in the USSR* (pp. 25–46). Moscow: Education Worker. (In Russ.).
3. Выготский, Л.С. (1982–1984). *Собрание сочинений. В 6 т.* М. Педагогика.
Vygotsky, L.S. (1982–1984). Collected works in 6 vol. Moscow: Pedagogica. (In Russ.).
4. Выготский, Л.С. (2017). *Записные книжки. Избранное.* (Е. Завершнева, Р. ван дер Веер, общ. ред.) М.: Канон+ 608 с.
Vygotsky, L.S. (2017). *Notebooks. Selected works* (E. Zavershneva, R. van der Veer, Eds.). Moscow: Kanon+. 608 p. (In Russ.).
5. Выготский, Л.С. (2024). Стенограмма выступления на реактологической дискуссии (1931 год). *Культурно-историческая психология*. 2024, 20(3), 136–139.
Vygotsky, L.S. (2024). Transcript of a speech at the reactological discussion (1931). *Cultural-Historical Psychology*, 20(3), 136–139. (In Russ.).
6. Гальперин, П.Я. (2023). *Психология: предмет и метод. Избранные психологические труды.* М.: Изд-во Московского университета. 842 с.
Galperin, P.Ya. (2023). *Psychology: Subject and Method. Selected psychological works.* Moscow: Moscow State University Publishing. 842 p. (In Russ.).
7. Джеймс, В. (1902) *Научные основы психологии.* С.-Пб. 370 с.
James, W. (1902) *Scientific foundations of psychology.* St. Petersburg. 370 p. (In Russ.).
8. Завершнева, Е.Ю. (2009). «Ключ к психологии человека»: комментарии к блокноту Л.С. Выготского. *Вопросы психологии*, 3, 123–141.
Zavershneva, E. Yu. (2009), “The Key to Human Psychology”: Comments on L. S. Vygotsky’s Notebook. *Journal of Psychology Issues*, 3, 123–141. (In Russ.).
9. Ильенков, Э.В. (2009а). Диалектика идеального. *Философско-литературный журнал ЛОГОС*, 1(69), 6–62.
Ilyenkov, E.V. (2009a). Dialectics of the Ideal. *Philosophical and Literary Journal LOGOS*, 1(69), 6–62. (In Russ.).
10. Ильенков, Э.В. (2009б). Психология. *Вопросы философии*, 6, 92–105.
Ilyenkov, E.V. (2009b). Psychology. *Questions of Philosophy*, 6, 92–105. (In Russ.).
11. Ленин, В.И. (1958–1965). *Полное собрание сочинений: В 55 т.* Изд. 5-е. М.: Госполитиздат.
Lenin, V.I. Complete Collection of Works: In 55 vols. Edition 5. Moscow. (In Russ.).
12. Леонтьев, А.Н. (1965). *Проблемы развития психики.* М.: Мысль. 571 с.
Leontjev, A.N. (1965). *Problems of mental development.* Moscow: Mysl. 571 p. (In Russ.).
13. Леонтьев, А.Н. (1975). *Деятельность. Сознание. Личность.* М.: Политиздат. 304 с.
Leontjev, A.N. (1975) Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat. 304 p. (In Russ.).
14. Леонтьев, А.Н. (1983). *Образ мира: Избранные психологические произведения: В 2 т. Том 2.* М.: Педагогика. С. 251–261.
Leontjev, A.N. (1983). *Image of the world: Selected psychological works: In 2 vol. Vol 2.* Moscow: Pedagogica. Pp. 251–261. (In Russ.).
15. Леонтьев, А.Н. (1986). Проблемы деятельности в истории советской психологии. *Вопросы психологии*, 4, 109–120.
Leontjev, A.N. (1986). Problems of activity in the history of soviet psychology. *Issues of psychology*, 4, 109–120. (In Russ.).
16. Леонтьев, А.Н. (1994). *Философия психологии.* М.: Изд-во Московского университета. 287 с.
Leontjev, A.N. (1994). *Philosophy of psychology.* Moscow: Moscow university publishing house. 287 p. (In Russ.).
17. Лурья, А.Р. (1974). *Об историческом развитии познавательных процессов: экспериментально-психологическое исследование.* М.: Наука. 172 с.
Luria A.R. (1974). *On the historical development of cognitive processes: an experimental psychological study.* Moscow: Nauka. 172 p. (In Russ.).
18. Майданский, Андрей. (2009). Как разлагалась мысль. *Философско-литературный журнал ЛОГОС*, 1(69), 175–183.
Maidansky, Andrey. (2009). How Thought Decayed. *Philosophical and Literary Journal LOGOS*, 1(69), 175–183. (In Russ.).
19. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1956). *Из ранних произведений.* М.: Политиздат. 689 с.
Marx, K. Engels, F. (1956). *From Early Works.* Moscow: Politizdat. 689 p. (In Russ.).
20. Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955–1987) *Сочинения: В 50 т.* М., Политиздат, 2-е изд.

- Marx, K. Engels, F (1955–1987). *Works. In 50 volumes*. М.: Politizdat, 2-nd ed. (In Russ.).
21. Миклухо-Маклай, Н.Н. (1947). *Путешествия. Статьи*. (Редакция текста и примечания Лидии Чуковской). <https://www.chukfamily.ru/lidia/prosa-lidia/books/mikluhotravel/dnevnik-1871-1872>.
- Миклухо-Маклай Н.Н. (1947). *Travels. Articles*. (Lydia Chukovskaya, ed. and notes). (In Russ.) <https://www.chukfamily.ru/lidia/prosa-lidia/books/mikluhotravel/dnevnik-1871-1872>.
22. Нецаев, Н.Н. (2024). Л.С. Выготский. Перечитывая заново. Часть 1. *Культурно-историческая психолог*, 20(3), 12–26.
- Nechaev, N.N. (2024). L.S. Vygotsky. Reading Anew. Part 1. *Cultural-historical psychology*, 20(3), 12–26. (In Russ.).
23. Павлов, И.П. (1925). *Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных*. Л; М: Государственное издательство. 397 с.
- Pavlov I.P. (1925). Twenty-year experience of objective study of higher nervous activity (behavior) of animals. State Publishing House. Leningrad; Moscow. 397 p. (In Russ.).
24. Сеченов, И.М. (1908). *Собрание сочинений: В 2 т.: Том 2. Статьи психологические и популярные очерки*. М.: Изд. Императорского Московского университета. 469 с.
- Sechenov, I.M. (1908). *Collected works: In 2 v.; Vol 2. Articles psychological and popular essays*. Moscow: Imperial Moscow University publishing house. 469 p. (In Russ.).
25. «6 самых необычных картин-иллюзий. А что видите вы?» <https://aif.ru/dosug/1846109>.
- “6 of the most unusual illusion paintings. What do you see?” [<https://aif.ru/dosug/1846109>]. (In Russ.).

Сведения об авторе

Нецаев Николай Николаевич, действительный член Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, профессор Международной кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6965-2312>, e-mail: nnnechaev@gmail.com

Information about the author

Nikolay N. Nechaev, Full Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Science (Psychology), Professor, Professor UNESCO International Chair of Cultural-Historical Psychology of Childhood, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6965-2312>, e-mail: nnnechaev@gmail.com

Поступила в редакцию 02.03.2026

Received 2026.03.02

Поступила после рецензирования 09.03.2026

Revised 2026.03.09

Принята к публикации 10.03.2026

Accepted 2026.03.10

Опубликована 30.03.2026

Published 2026.03.30